

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:

Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции

Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemanmag@gmail.com
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова
Стильредактор: О. В. Козлова

Подписано в печать 12.01.2024. Формат 70 × 108 $\frac{1}{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,37. Тираж 560. Заказ

ОАО «Брестская типография».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/59 от 19.03.2014.
Пр. Машерова, 75 Б, 224013, Брест.

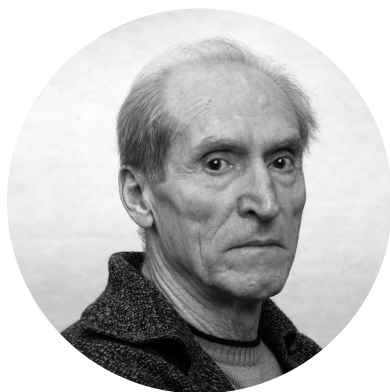
К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2024
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2024
© УП «Мастацкая літаратура», 2024

Олег ЖДАН-ПУШКИН ОСВОБОЖДЕНИЕ

Повесть

1

Дом был хороший, просторный и теплый. Дед Иван строил его почти в одиночку (Бог не дал сыновей, а какая при строительстве от дочек помощь?) — по бревнышку, по дощечке и перед войной забил, как говорится, последний гвоздь. Вполне можно было рассчитывать на жизнь и смерть в его стенах.

В конце сентября 1943 года в Мстиславле стала слышна далекая канонада — с каждым днем ближе.

Судя по сводкам Совинформбюро, гнали немцев без остановок и через день-другой начнутся бои за город. Немецких солдат скопилось здесь много, и они тоже настороженно прислушивались и смотрели на север.

— Надо уходить, — сказал дед Иван.

Ночью выкопали на огороде большую яму, опустили в нее ценные вещи: лопаты, топоры, чугуны, ватные одеяла, перьевые подушки... Каждый принес то, что для него важно и дорого. Бабушка вытащила с чердака давно нерабочую прялку.

Когда Максимку разбудили, телега уже была загружена и Белка стояла в оглоблях.

— Едем, — сказал дед Иван и открыл ворота, а бабушка перекрестила дом.

Белка сильно прихрамывала, и на телегу посадили только Максимку. Когда проезжали мимо соседнего дома, он привстал, чтобы посмотреть, не появился ли Евиль, его друг. Пускай бы увидел, как он катит на Белке. Но ни Евиля, ни кого-либо из домашних не было видно. Наверно, уехали они очень далеко, как сказала мать. Когда в доме вспоминали их, тетя Катя почему-то начинала плакать. Плакала она всегда шумно, сморкалась, кашляла, что-то приговаривала в платочек. «Не плачь, сестричка, — говорила ей мама. — Может, они уже на небесах». Максимка прислушивался, но ничего не понимал. Кто на небесах? Почему?

Мама, бабушка, тетушки Катя и Маша шли сзади, а Вовчик все целился вскочить на телегу и прокатиться.

Максимка уснул на телеге и проснулся, только когда Белка остановилась и слышались немецкая речь и голос деда, который пытался говорить по-немецки, показывая на ногу Белки и повторял: «Кранк, кранк...»

Анатолий АВРУТИН

С ЧИСТОГО ЛИСТА

Ровно 50 лет минуло с той поры, когда в № 1 за 1974 год в разделе «Из поэтических тетрадей» состоялась первая публикация в «Нёмане» Анатолия Аврутина. Поздравляя теперь уже широко известного поэта с этим знаменательным событием, предлагаем читателю новую подборку его стихов.

* * *

На образы речь в Беларуси богата,
Не каждый приехавший сразу поймет.
Пусть «**матчына мова**», но «**бацькава хата**»,
Попробуй — не вымолвить наоборот.

Кукушка пророчит в России и в Польше,
Но все же в июньскую эту пору
Зязюля мне лет напорочила больше
Лукавой кукушки в смоленском бору.

Не в бане, а **ў лазні ў сябра** попарюсь
И выйду на берег, от пара хмельной.
Увижу вдали не белеющий парус,
А трепетный **ветразь** над синей волной.

Наколем поленьев, наполнившись верой,
Что легче хозяевам будет потом.
Дровишки сложу, намахавшись **сякерай**,
Пока мой приятель махал топором.

Картошка вскипит. Крикнут: «**Бульба** остынет...»
Гарэлкі хлебнешь с ароматами трав,
С улыбкой хозяйку назвав **гаспадыняй**,
А следом ее **прыгажуняй** назвав.

Наталья СОВЕТНАЯ

ВОЙНА ЗАКОНЧИТСЯ НЕ ЗАВТРА

Повесть

Порыв ветра подхватил с земли хлопья легкого снега, приподнял, завертел, понес по дороге ожившим белым привидением. Оно закружилось, заплясало в диком танце. Возникло еще одно, и еще, словно на невидимом пиру разгулялась злая сила, пугая, потешаясь над одинокой седой женщиной в изношенном, когда-то модном драповом пальто и помятой фетровой шляпке. Серый платок, повязанный поверх шляпки, облепили ледяные катышки. По щиколотки проваливаясь в рыхлый свежий снег, одеревеневшими руками она тащила за жесткую веревку финские саночки с двумя закутанными в одеяло малышами. Пятилетняя Марина и трехлетний Валечка то ли дремали, то ли от холода впали в забытие. Дома Езерища уже маячили впереди. Позади оставались почти шестьсот километров пути из оккупированного голодного Слуцка¹.

Тетка Наталья неприветливо оглядела гостью, но когда заметила детишек, охнула и широко распахнула дверь:

— Заходите! Хутчэй! У тепленькую хатку.

С печки смотрели три пары ребячьих глаз.

— Ничога, ничога, в тесноте — не в обиде, — приговаривала хозяйка. — Зараз сена прынясу, постелим. Хлопчыки мае, вы на полу сення, а малых на печь, надо их отогреть.

Достала чугун с морковным чаем, сковородку с бульбой:

— Чым багаты.

— Мы — в Витебск. У меня там старший остался с мамой, на лето отправляла. Не знаю, живы ли.

— В Витебске немец! Усюду ён. Лютуе, а ты с детьми! Как дошла такую дорогу? — жалостливо расспрашивала хозяйка Марию Михайловскую.

— Обменивала на хлеб что могла: то колечко, то отрез на платье — на саночках под малышами припрятала. Люди добрые приютят, отдохнем — и дальше. Немецкий язык хорошо знаю, потому удавалось патрули обходить, отговариваться. Муж Витебскую художественную гимназию окончил, музыкальное отделение, направили в Ленинград. Квартуру в Слуцке получили — у нас пятеро

¹ Город Павловск, пригород Ленинграда, был переименован в город Слуцк в 1918 году в честь погибшей 30 октября 1917 года под Царским Селом революционерки Веры Слуцкой. В январе 1944 года городу возвращено его историческое имя.

детишек. Сережа мой еще на финской, в тридцать девятом, погиб. А в конце августа сорок первого немецкие мессершмитты уже бомбили наш город. Осколками деревья срезало, горели дома, дороги и дворы — в воронках и дыму... Прятались мы в окопах, вырытых под яблонями в саду. До блокады оставалась неделя, когда прибежали мальчишки: «Сегодня со складов укрепрайона и ларьков-магазинов будут продукты раздавать!» Рис, хлеб, макароны... Казалось, этого хватит, чтобы продержаться. Думали, скоро же нас освободят! Но Тамару с Васечкой похоронила... Дочка умерла от дизентерии, еще перед войной, сынок — от голода. Самый маленький он, родился, когда муж на финской был. Осталась с Мариной да Валечкой, — голос у Марии ровный, глаза сухие, все слезы дорогой выплакала. — Теперь Володю найти надо!

Зима, отхорюдив последние деньки, все же заторопилась восвояси, уступая место изменчивому марту. Ночью еще крепко примораживало, зато днем пригревало солнце, и неугомонная говорливая капель не умолкала до самых сумерек. Тетка Наталья снаряжала Марию в дорогу, обнадеживала:

— Сберегу твоих сорванцов, не хвалюйся! Сама возвернись! Дай благословлю, — перекрестив, протянула образок. — Хай усе буде добра!

* * *

Июнь 1941-го был в самом разгаре, мальчишки пропадали с удочками на Двине, выстругивали лозовые рогатки и соревновались в меткости. Вовка, освоив велосипед дяди Вани, хоть и не дотягивался до сиденья, но лихо носился по грунтовой дороге Городокской улицы — клубы пыли тянулись следом. И все же мысленно он торопил летние деньки, мечтая о наступлении осени и о школе. Приедет мама и отведет его в первый класс, нарядного, с букетом георгинов и ранцем, в который сложит он новенькие тетрадки и блестящий яркий букварь.

С утра было солнечно, безветренно и душно. Вовка уже знал, что это предвещает грозу. Но мальчишки ждали во дворе, еще вчера сговорившись на реке половить карасей. Бабушка Настя встала раньше всех и уже хлопотала на кухне.

— Пока не поешь, никуда не пойдешь! — Поставила на стол кувшин с молоком, положила хлеб.

Вова успел намазать ломтик вареньем, отхлебнуть из кружки молока, как вдруг гроыхнуло так, что задребезжали стекла на окнах.

— Вот это гром! — выскочил из-за стола, рванул на улицу.

— Смотрите, там горит! — мальчишки кивали в сторону вокзала, где поднимался, растекаясь по небу, черный дым.

— Самолеты, самолеты! — закричал Вовка и захлопал в ладоши. — Ура!

Гул нарастал. Рассекая дымовую завесу, самолет летел совсем низко, можно было разглядеть не только непривычные черные кресты на крыльях, но даже летчика. Мальчишки запрыгали, замахали ему руками.

На шум выглянула бабушка Настя да так и замерла на крыльце, прикрыв ладню рот, чтобы не завывать в ужасе, не напугать ребятишек.

— Вовочка, — проговорила хрипло, словно кто-то сдавил горло, — иди в дом. И вы, детки, по домам!

«Неужели война?» — застучало в висках.

Михаил ПОЗДНЯКОВ

ДО САМОЙ МИНУТЫ ПОСЛЕДНЕЙ...

БЕЛАРУСИ

Глядя пристально в солнечный день
Сердцу милой моей Беларуси,
Беспреданно, всегда и везде,
Ее именем светлым горжусь я.

Вижу мудрость далеких веков
И твою несомненную славу,
Беларусь! Пусть тебе вновь и вновь
Солнце светит тепло, величаво.

Озабоченность, вовсе не грусть
И в дыхание твоём, и во вздохах.
Как твой сын, за тебя я молюсь
На просторах твоих и дорогах.

Ты — как мать — навсегда, Беларусь!
И стоять моей хате не с краю:
Возрастает хлопот твоих груз —
Тут же сам я плечо подставляю.

И люблю горячо тебя так,
Что об этом молчать не желаю.
Не умею потише никак,
Когда Родина — в сердце — святая.

РОДНОМУ БЫХОВУ

У Днепра на могучем плече
Ты однажды восстал исполином.

Геннадий АВЛАСЕНКО

ОТРАЖЕНИЕ

Рассказы

А МОЖЕТ, МНЕ ЭТО ПОКАЗАЛОСЬ?

Я постучал в дверь, и она сразу же отворилась — так, словно женщина, стоявшая за ней, заранее знала о моем присутствии.

— Заходите! — проговорила она тихо и безо всякого выражения. Потом отступила назад, чуть в сторону, пропуская меня в прихожую.

Я вошел и только сейчас ощутил, как сильно успел промокнуть за тот короткий промежуток времени, пока шел, вернее, почти бежал от брошенного на шоссе автомобиля до этого двухэтажного особняка, надежно припрятанного среди высоких ветвистых деревьев. Я, кстати, смог заметить его лишь потому, что особняк этот был полон света, вернее, все его окошки призывно светились сквозь тьму и мокрые ветви деревьев. Уже после я обнаружил неширокую заасфальтированную дорожку, отходящую от автомагистрали по направлению к этому большому дому.

Женщина молча смотрела на меня, вернее, на мои насквозь промокшие куртку и ботинки. Я тоже посмотрел себе под ноги: на безукоризненно чистом паркетном полу уже успели образоваться две грязноватые лужицы.

— Прошу прощения! — смущенно пробормотал я. — Дело в том, что у меня...

— Снимайте куртку! — перебила меня женщина. — Ботинки тоже снимайте. Вот тапочки, должны подойти по размеру...

Повернувшись, она вышла из прихожей, а я, выполнив в точности все данные мне установки (тапочки подошли просто идеально), медленно двинулся за ней следом.

В просторной комнате, где я очутился, было светло, тепло и на удивление уютно, особенно после той темноты и ненастья, сквозь которые мне пришлось сюда добираться. Весело потрескивали в камине короткие толстые поленья. Рядом с камином я заметил неширокую дверь, по всей видимости, вход в небольшую боковую комнатку. Далее виднелась деревянная винтовая лестница, ведущая на второй этаж.

А прямо передо мной, как раз посреди комнаты, стоял богато сервированный стол.

Лариса ГОНЧАРОВА

ПЕЧКА, ЕЛКА, ЗА ОКОШКОМ СНЕГ...

НЕ ОЖИДАЮ

Не ожидаю почестей, наград,
Все это мимолетно и нелепо.
Мне подарите голубое небо,
А ночью — искрометный звездопад.
И если от дыхания свечи
Кому-то станет радостней, свободней,
Я в этой суете предновогодней
Зажгу за всех, а после помолчим.
О том, что согревает нас в мороз,
О том, что больно ранит и мешает,
Пускай поток невыплаканных слез
Ненужные обиды разрушает.
Омоемся, умоемся, простим,
Откроем сердце, занавесим окна
И странника обедом угостим,
Котенку в слякоть не дадим промокнуть.
Пусть каждый миг с приходом Рождества
Нас приближает к радостному чуду,
А я закрою на замок слова
И только слушать, только слушать буду...

* * *

Опустело аистов гнездо,
И ручей будто замедлил бег.
Опустело сердце, но на дно
Выпал чистый, белый, первый снег.

Так покойно, тихо, хорошо,
Как бинты на раны, как покров,

Как анестезия, порошок,
Как надежный, милый отчий кров.

Графика, классический мотив.
Черно-белый. Старое кино.
Обгорело сердце — кадр один,
Кадр второй — как снег, кружась, на дно.

Кто напишет что-то о любви?
Кто рискнет украсить красным бель?
Не тревожь, напрасно не зови.
Сел корабль блуждающий на мель.

Первозданный, сказочный сюжет
Не нарушь шагами просто так.
Ты на белом оставляешь след.
Стань сердечным другом, мудрый враг.

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ

Какое счастье — эта тишина!
Вне суеты, вне требований, споров.
Она — моя подпитка и опора,
Я пью ее до капельки, до дна.
Спит дом, прикрыв гардинами глаза.
Досматривают дети сны земные,
А мне как будто нечего сказать,
Лишь слушаю дождей слова немые.
Они не нарушают тишину,
С ней вместе проливаются на землю.
Мне до утра сегодня не уснуть,
Я тишины многоголосью внемлю.

НЕ СТАЛО

Годы летят к закату,
Души спешат к рассвету.
Думать о главном надо,
В главном источник света.

Если потери снятся,
Значит, им плохо спится.
Будто бы мне — семнадцать,
Счастьем душа томится.

Думала ли, гадала,
Что обрету с годами?..
Главного стало мало,
Главных не стало с нами.

Татьяна ДАШКЕВИЧ

ТАЙНА

Рассказы

ЧЕРНАЯ МАГИЯ НОЧИ

Игорь проснулся и почувствовал: мир изменился. Словно луч солнца попал на стертый древний барельеф и сделал яркими и выпуклыми все его линии, все забытые пылью веков знаки. И эти линии древнего барельефа магически преобразались и приобретали черты Алины. И даже если он закрывал глаза, все равно видел ее лицо — еще более отчетливо, чем в реальности, так ярко, словно оно отпечаталось на его веках. Все теперь носило на себе ее присутствие: и шифер на крыше соседнего дома, и его комната, захламленная и давно не знавшая уборки, и музыка, и молчание, и тишина, и даже облака в небе. Дни и ночи, и солнце.

Он полежал, проснувшись, посмотрел на беспорядочно разбросанные вещи и снова закрыл глаза, желая и пытаясь увидеть ее опять.

Уже несколько дней, а может, недель или даже месяцев — он потерял чувство времени — подолгу стоя перед открытыми створками окна, вдруг вслушивался в суету улицы и хотел поймать среди многозвучия интонации ее голоса, стук ее каблучков, шорох ее плаща. Ему казалось, что дверь откроется — и войдет, качнув теплой светлой волной волос, Алина. Это походило на сумасшествие. Навязчивую идею. Бред — и мучительный, и желанный. Все это происходило с ним неосознанно, как неосознанно тянется росток к солнцу. И когда он понял, что ищет того, чего нет, наконец признался сам себе, что влюбился до последней степени невозможности.

Алина шагнула в его жизнь из параллельного мира. Она пришла к ним работать «с улицы», поймав вакансию юриста в интернете. Все, что окружало ее образ, было одновременно и заманчиво, и чуждо. Игорю хотелось узнать о ней все до последнего факта биографии, до самой тайной мысли, но у него не было навыка сближаться с подчиненными, лезть к ним в душу и говорить о чем-нибудь, кроме работы. А может, мешала обычная, выношенная годами осторожность: особое внимание к молодой женщине могло бы выглядеть подозрительным. Его личная жизнь всегда оставалась тайной для всех. Но сейчас она стремилась вырваться наружу.

Подчиненные не думали о том, что у стен бывают уши, а то, что они могут быть у босса, и вовсе не принимали во внимание. Из разговоров в коридоре

и маленькой офисной кухне-столовой Игорь узнал: Алина разведена, у нее шестнадцатилетний сын, старенькая мама и попугай в клетке, она курит дешевые сигареты, а могла бы по своим доходам покупать дорогие. Она — «вещь в себе», необщительна, любит Мандельштама и цитирует при случае, а на ее телефоне звонок — бодрая итальянская «Феличита»... И он реагировал на «Феличиту», сидя за двумя дверями, словно слышал ее, Алины, сердцебиение, ревновал к тем, кто ей звонил, мучился и мечтал. В поэзии Игорь ничего не понимал, она всегда была ему скучна. Жена порой изводила его Асадовым, он каждый раз терпеливо слушал и переживал ее чтение, как затяжной нудный дождь... Но сейчас — даже зашел в книжный, выбрал зеленую книгу Осипа Мандельштама и несколько раз приступал к чтению. Игорь признавался себе, что лет пятнадцать назад не влюбился бы в такую женщину. Оставалось только догадываться, что было бы с ними, случись это тогда...

Еще пятнадцать лет назад — а пролистались они быстро, словно несколько вчерашних дней — он возил своих девушек в маленький городок с кривыми улочками, по которым ходили знаменитости. Не важно, с войной или миром знаменитости посещали городок. Главное — там проезжали обозы Наполеона, живал Суворов, ехали мимо царицы средневековья в сопровождении кортежей с дворней и слугами. Он плел небылицы своим красавицам о том, что в этом «отеле» жил сам Чарли Чаплин и частенько бывал Марк Шагал с Беллой... Он сочинял на ходу, выдумывал приключения и веселился от души, чувствуя себя свободным, молодым, любимым прекрасными юными девушками, которые вряд ли понимали то, о чем он говорит, отчего чувствовал себя — божеством... Сейчас и имен их не помнил, тех доверчивых и голодных студенток ПТУ, а молниеносные романчики сплелись в неприятный комок вины, измены и отторжения. Сейчас он помнил только одно имя: Алина, Алина, Алина... Оно разрывало голову, щемило сердце, дробило душу. Он шептал имя, своим звучанием похожее на экзотический цитрус, и словно мандариновые дольки взрывались у него во рту.

Еще пятнадцать лет назад он постелил бы ей под ноги небесные ковры и окружил ее воздушными замками, украл в саду у ведьмы самые лучшие розы, взял бы Бога за бороду... Чтобы поехать с ней, с ней — в тот самый городок, в котором его никто не знает. Они поселились бы в гостиничном номере с казенной мебелью с претензией на роскошь, отгородясь от проблем и монотонных, надоевших связей повседневности. Барельеф бы ожил, и он целовал бы каждую черточку лица Алины. И ее руки, не алебастровые — живые...

В прежней его жизни, надо сказать, счастливой, семейные узы тяготили его именно однообразием. Пока не заболела жена и не приковала его к своей постели на три долгих скорбных года. А до этого Игорь в коротких отъездах «в командировки» с любовницами чувствовал себя человеком. На самом деле он терпеть не мог провинциальные гостиницы и ценил домашний уют. Эти позолоченные китайской фальгой багеты с пошлыми портретами никому неизвестных блондинок, похожих на Мэрилин Монро... Потертые советские красные дорожки с серыми проплешинами и мебель с дешевой обивкой, всегда прожженной чьей-то сигаретой... Тюль на окнах, гардины из коричневой саржи с отливом, неработающий телевизор... И цена за номер высокая, как в столице. Для падения ему необходима была вся эта пошлость, пыльный налет потасканности и засаленность проходного двора. Он как будто играл роль, к которой требовались декорации. Он не скупился на траты, заказывал ужин в ресторане. Денежки у него водились — треть зарплаты утаивал от жены Оли — такой же

доверчивой бывшей пэтэушницы... Да, уют в гостинице сомнительный, зато вид из окна: небо, облака, закаты и рассветы, звезды! А какие ночи! Какие черные ночи с нежностью цветочных ароматов из палисадников соседских деревянных домишек! Но главное: вместо пожизненно утомленной жены — красавица, свободная от забот. Юное девичье тело — чудо, свежий глоток жизни... То — было. А теперь... Он представил: в номере на продавленном диване сидит Алина, курит и смотрит только на него. И, может быть, даже читает ему стихи, а он — слушает. Что это — он повзрослел и начал понимать поэзию? Или ему просто хочется поговорить с женщиной, которую любит? Алина, Алина, Алина...

Игорь давно уже не спал, однако сон его будто продолжался, а черная ночь — тянулась, окутывала тягостным мраком прошлого. Он встряхнул головой и перевернул подушку — сбросил с себя видение замусоленного номера гостиницы, даже затхлый воздух которой, казалось, уже наполнял легкие. Да, раньше он увез бы ее туда, теперь же не было необходимости шляться по «номерам». Он мог привести Алину в свою вдовью берлогу. Ничего не препятствовало этому. Мог бы, но... Не решался, вел себя как выпускник школы, влюбленный в чужую невесту... Несколько раз подходил, хотел заговорить, но останавливался, представлял нелепость ситуации и молчал. Ему каждый раз казалось, что она ждет от него каких-то слов и признаний. Но понимал, что этого не может быть. Просто его больное воображение рисует то, чего ему так хочется.

«Господи, да за что мне это? Спасибо, конечно, но не нужно... Не хочу ничего. Нет, я хочу! Хочу! Я хочу быть с ней!» Игорь очнулся окончательно и понял, что не просто говорит вслух, а кричит: сел в кровати, закрыл лицо руками... зарыдал. Ему нужна была спасительная шлюпка, чтобы не задохнуться и не умереть.

Наваждение прошло, когда взгляд Игоря скользнул по книгам на полке и портрету Ольги с засохшими желтоватыми розами перед ним. Три месяца он не добавлял в вазу воды и не менял букета. Впервые за дюжину долгих мучительных лет одиночества это стало тяжело, как бесконечная уборка снега вокруг казармы в непрекращающийся снегопад.

За два месяца весны он похудел, ел с отвращением, даже ушел в двухнедельный запой, словно его мучило предчувствие чего-то непоправимого. Новое чувство вцепилось в него мертвой хваткой, и он знал: не отпустит, пока не убьет. А он не хотел стареть и тем более умирать. Он хотел начать с Алиной новую жизнь — свежую, долгую. И верную.

Сосед, врач поликлиники, как-то встретив его на лестнице, посоветовал сделать УЗИ:

— Что-то ты бледен и щеки впали, старичок. Приходи без очереди! Я в субботу дежурю. В наши годы надо следить за здоровьем!

Игорь поблагодарил, но уточнять свой диагноз не стал. Он знал: это не желудок и не печень с селезенкой. И даже не сердце. Болела душа. Диагноз: «Алина». И думать о том, что у него — или у нее — есть кишечник, почки, желудок и прочий ливер, в этом состоянии ему казалось низко и совсем не возвышенно.

Химия? Может быть. Он слышал, такое бывает. Люди влюбляются без ума в кого попало. Как непонятное волшебство. Сейчас много об этом говорят. Но ему плевать. Без нее он умрет. А если умрет она? Она не умрет никогда! Это невозможно. Уж лучше — он.

Теперь он лежал и думал о том, что если вот сейчас он умрет от неразделенной любви — может быть, ей будет его жаль. Но она не узнает, отчего наступила смерть, и не догадается о том, что могла бы его спасти. «Надо признаться. А если ответит отказом? Нет, женщины любят ушами. Хотя бы несколько дней

она будет меня любить... или несколько часов... или минут. А если не будет? Господи, как тяжело, как тяжело любить!..»

Он снова с силой дернул головой, словно хотел встряхнуть все эти мысли, с трудом встал и пошел в душ. Вода немного успокаивала и отвлекала. Мечты об Алине становились прозрачнее. Теплые струйки их как будто растворяли и уносили по своим неведомым маршрутам. И он начинал думать о работе, выбираясь из штормящего моря на спасительную шлюпку.

После душа Игорь обнаружил, что в ванной нет полотенца, и голый вошел в комнату, оставляя мокрые следы на полу. Пока рылся в комод, вытаскивая из комка выстиранного и неглаженного белья полотенце, деловито думал о том, что хозяйка здесь не помешала бы. После Ольги за ним ухаживала дочь, но — вышла замуж и увезла внука в Стокгольм. Они созванивались по Zoom, вольготно предаваясь иллюзии общения. Поначалу он тосковал. А потом заставил замолчать то место в душе, где все эти годы обитал такой дорогой для него мальчик.

Его дочь Марина жила своей жизнью разведенной привлекательной девушки, совсем не интересовалась Андрюшей. Игорь сначала поил внука молоком, потом водил в садик, гулял с ним в лесу, учил мальчишку стоять на лыжах, сидя часами на неудобном пластиковом кресле в бассейне, любовался его успехами в плавании, отправлял хлопчика в первый класс... У Игоря не было сына, и судьба вернула ему этот долг. Долг вернулся с процентами: Андрюша помог пережить Игорю смерть Оли. Но когда внуку исполнилось десять, а молодой дед научил его всему, что умел сам, общение вышло на новый уровень: они, близкие души, разговаривали, спорили и мечтали. Казалось, они были друг другу необходимы, но жизнь навязывает свои правила и ситуации, и пришлось разлучиться. Zoom не давал теплоты общения. На том месте души, которое прикипело за десять лет к Андрюше, образовалась дыра или рана, она кровоточила и пугала своей пустотой. А потому в эту пробоину хлынула страсть любить женщину.

Игорь завернулся в полотенце и посмотрел на себя в большое зеркало. Подтянут, строен, даже не скажешь, что скоро шестьдесят. Алине — тридцать пять, исправный, дисциплинированный работник, не злоупотребляющий больничными, невзирая на свое материнское одиночество, — он внимательно читал и запомнил ее личное дело, когда брал на работу. Сыну — шестнадцать. Родила в девятнадцать? В таком возрасте это — любовь. Отчего же ей не полюбить его — Игоря?

Игорь посмотрел из зеркала на портрет Ольги, засохший букет в вазе и вдруг понял: «Я знаю, чем ее сразить, что ей подарить... Мне поможет магия!» Игорю показалось, что Ольга смотрит на него осуждающе. Он подошел к полке и повернул фотографию лицом к стене, глянец белой бумаги — наружу. «Белый квадрат Малевича, — подумал и улыбнулся. — Или светлый тоннель?.. Нет, рано еще. Прости, Оленька...» Засохшие розы ответили градом опадающих лепестков.

Он с трудом пережил ее смерть. Игорь был виноват перед Олей. Жена не догадывалась о его увлечениях, а может, догадывалась, но молчала. Ничего не стоило ему обманывать свою доверчивую суетливую подругу, которую за двадцать лет совместной жизни изучил от и до. Приходил, как ни в чем не бывало садился за стол, с аппетитом ужинал, говорил, что устал, шел в душ, ложился спать... И никогда не собирался уходить от нее к другой. Увлекался, отдалялся, возвращался и снова увлекался... Всегда приходил домой, к Ольге. Так продолжалось, пока она не заболела. А когда умерла, он поехал на дачу, закрылся и несколько дней был как собака. Да, именно как собака, потому что он не был

волком — ощущал себя блудливым, потрепанным, потерянным лживым псом. А теперь — будто лишился куска своего тела: с него сняли скальп, из груди вырвали сердце, выкололи глаза, словно ватой, набили ненужными звуками уши... Эта жизнь стала не жизнью. Наверное, так страдала их общая душа, которая за двадцать лет сделалась одним целым. Болело все тело, все мысли, каждая клеточка существования. Игорь выл и бил себя по щекам — мстил себе же за свою жену. Он уходил за ней добровольно и ушел бы, если бы не почуяли беду соседи и не спасли его.

Игорь страдал, вспоминая, что многого не додал ей при жизни, о чем-то не расспросил, не слишком радовал. И особенно ему тяжело становилось оттого, что много лет подряд она просила у него в подарок на день рождения французские духи. Была у нее такая мечта — держать у зеркала пузырек с французскими духами, как у школьной подруги Нины. «Любые, Игорек, только чтобы — французские. У них все хорошие! Но очень мне нравится «Черная магия»! Как у Нины. Запах — магический! Тебе понравится...» Каждый раз забывал он об этом перед днем ее рождения и дарил ненужное: то электрический чайник, то набор фужеров, то хохломские ложки... Иногда и вовсе ничего. А она ждала, каждый раз ждала духи. И теперь он знал, что наконец подарит их любимой женщине. Жаль, что не Оле. Но Алина тоже станет его женщиной. А он — исправит все свои ошибки, которые не считал таковыми при живой Оле. А Оля... Она простит опять.

Алина курила на крыльце, когда Игорь шел в офис с пакетиком из парфюмерного дискаунтера. Все сложилось прекрасно: он съездил в командировку в столицу, нашел по интернету духи «Черная магия ночи», выложил хорошенькую сумму, но ни на секунду об этом не пожалел! Сегодня его страдания или закончатся, или приобретут оттенок вечности. Магия есть магия! «Все будет хорошо, старый маг», — хохотнул он про себя, предвкушая счастье. Он подходил к крыльцу. Алина растворялась в табачной дымке, и не было для него желаннее этого запаха и этого мгновения. Душа — пела. Сегодня он сделает ей предложение. Пора исправлять ошибки. К черту конфетно-букетный период. Он будет для нее всегда и начнется сегодня!

Девушка смущенно поздоровалась, загасила окурочек и аккуратно положила его в урну, качнув белокурыми локонами. Он успел рассмотреть ее худую ладонь с синеватыми костяшками, от вида которой его приятно ознобило. Он захотел увидеть и лицо, а когда она подняла на него глаза, обмер. Это была не Алина. Только теперь Игорь увидел у ее ног сумку «Яндекс Доставка».

Дурное предчувствие вмиг смяло душу. И не обмануло.

Алины на рабочем месте не оказалось. Целый день не звучала «Феличита». А вечером забывчивая секретарша принесла ему заявление Алины, подписанное замом. «По семейным обстоятельствам... В связи с переездом... с окончанием контракта...» — он перечитал заявление несколько раз. Секретарша снова вернулась в кабинет, сетуя на свою забывчивость.

— Кстати... чуть не ушла домой, совсем забыла! Алина Николаевна вам просила передать документы... — И положила на стол запечатанный конверт.

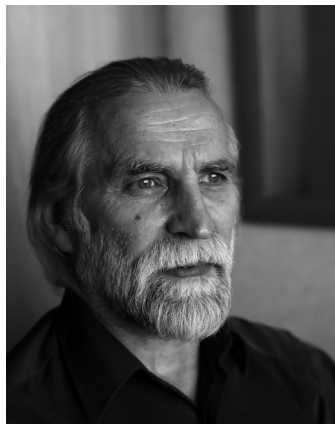
Пальцы не слушались. В конверте не было никаких документов, Игорь достал небольшой томик Осипа Мандельштама, увидел краешек листка бумаги, открыл книгу на том месте, где лежал листок. Глаза выхватили стихи, он прочел, почти не понимая слов:

86

... Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны.

«В лесном ручье сотру остатки грима...»

Интервью с Владиславом Артемовым

Владислав Владимирович АРТЕМОВ — известный русский поэт, прозаик, публицист, переводчик — сегодня гость журнала «Нёман». На счету у писателя — четыре книги стихов: «Светлый всадник», «Странник», «Избранная лирика», «Дивный дом». Он также автор романов «Обнаженная натура» и «Император Бубенцов, или Хромой змей».

Родился Владислав Владимирович 17 мая 1954 года в деревне Лысуха Березинского района Минской области.

В 1981 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького (Москва).

С 1982 по 1987 год работал редактором отдела поэзии в советском литературно-критическом журнале «Литературная учеба». С 1989 по 2001 год — заведующий отделом литературы журнала «Москва». С 2002 по 2008-й — редактор Военно-художественной студии писателей. С 2012 года — главный редактор журнала «Москва». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

В предлагаемом читателям интервью с Владиславом Артемовым использованы цитаты из его стихов.

Душа чутка —
в поэте жив пророк...

Владислав Владимирович, когда Вы начали писать? Что подтолкнуло к этому? Чем молодой Артемов отличается от нынешнего? И что хотите донести до читателя как поэт и прозаик? В Вас жив пророк?

Сочинять и записывать начал, как только научился читать. То есть, приблизительно, с пяти лет. А что было делать, чем заниматься? Глухая белорусская деревня в шестьдесят дворов, ни электричества, ни радио, ни автобуса. Магазины нет, раз в неделю — автолавка. В избе только десяток книг у бабушки на этажерке. Том сказок Афанасьева, «Конек-Горбунук», «Три товарища», «Русско-узбекский словарь», «Расписание пассажирских поездов за 1956 год»... Я это расписание, как и «Справочник краснодеревщика», перечитывал много раз, словно волшебные сказки. Нынешним детям не повезло; если бы у меня в ту пору был компьютер с играми, я бы оттуда не вылезал. Было бы не до книг.

А выдумывать стал гораздо раньше. Помню, в зимние сумерки в деревне Жуковец поднимаюсь на гору с саночками. Было страшно и одиноко. Далеко внизу светится окошко бабушкиного дома. А тут на вершине горы скрипят сосны, пошевеливаются темные ветви, чья-то мохнатая тень мелькнула в глубине леса... Чтобы отогнать страхи, придумываю и громко бормочу стихотворные заклинания вроде: «Не боюсь я никого, даже волка самого...»

В каком-то смысле и теперешние мои стихи тоже своего рода заговоры и заклинания. От несчастной любви, от смерти, от одиночества, от тоски...

Обычно у начинающих первые стихи несовершенно, много в них приблизительного, случайного. Того, что каждый может как угодно толковать на свой лад. Нынче я хочу максимально точно и адекватно передать свое состояние, свои чувства. Не дать читателю возможности ничего «додумывать».

Что касается пророчеств, это дело святых, духовных людей. Поэт пророчит только о себе. Михаил Лермонтов: «В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я...» И лег, получив в грудь свинец. Вот Николай Рубцов: «Я умру в крещенские морозы». И умирает именно так. «На рукаве своем повешусь...» — Сергей Есенин. «...точку пули в своем конце...» — Владимир Маяковский. Один, правда, слукавил, соврал: «На Васильевский остров я приду умирать». А сам не пришел.

*Так кто же мы — деревья? Облака?
Нет тверже нас, и нету нас покорней...
Славянский дух течет через века —
Дыхание! — а держит крепче корня.*

Вы и русский, и белорус одновременно. Вам близки два народа, две культуры. Два дыхания слились в одно. Живете в Москве. Часто бываете в Беларуси. Возглавляете журнал русской культуры «Москва» и, начиная с этого года, стали выпускать специальные номера, позволяющие российскому читателю знакомиться с творчеством белорусских авторов.

И читателям «Нёмана», и нашей редакции будет интересно узнать, как чувствует себя сегодня (не хочется употреблять слово «выживает») журнал «Москва». Что думаете о будущем толстых литературных журналов?

Мы — один великий народ с небольшими местными отличиями и особенностями. Просто белорусы веками жили на окраине империи, стало быть, здесь сильнее чувствуется проникновение культуры соседних народов. Здесь особенная кухня, отличаются в деталях церковные обычаи, здесь похожий, но немного иной язык... Синтаксис одинаковый. Мой маленький внук, когда я ему стал читать сказку на белорусском языке, выразился очень по-детски, но весьма точно и оригинально: «Белорусский язык такой же, как и русский. Но с помехами...» Но смею вас уверить, язык архангельской губернии отстоял от обычного русского языка гораздо дальше, чем белорусский. Я слушал записи архангельского говора, сделанные, правда, лет пятьдесят назад. Мы напечатали их в журнале. Вроде все по-русски, а нельзя ничего понять. Пришлось почти под каждым словом делать сноску, пояснять...

Журнал живет нормальной жизнью. Скромно, небогато, но достойно. Было время, когда все мы по полгода не получали зарплату, но исправно ходили на работу, не давали угаснуть журналу. Вообще, толстые литературные журналы нужны хотя бы потому, что здесь литература отделена от денег. Там, где искусство и деньги соединяются, получается на выходе — попса. Мы отбираем и печатаем рукописи, исходя исключительно из их художественных достоинств.

Первый номер литературно-художественного журнала «Москва» вышел в 1881 году, в нем печатался еще начинающий писатель А. П. Чехов. Затем выпуски прекратились. И в новом виде журнал «Москва» возобновился в 1957 году. На наших страницах впервые в СССР был напечатан «Маленький принц» Экзюпери,

«За рекой в тени деревьев» Хемингуэя, «Медведь» Фолкнера. Из шедевров отечественной литературы, которые увидели свет в журнале «Москва», могу назвать «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова, «Двенадцать мгновений весны» Юлиана Семенова, «Историю государства Российского» Николая Карамзина, «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина, «Защиту Лужина» Владимира Набокова... Ну и наша гордость — роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

Кризис толстых журналов, падение их тиражей — кризис общелитературный. Упал интерес вообще к книге. Это скверно, потому что нечитающий человек становится нищим, плоским и убогим, хотя сам этого и не замечает. Но тут происходит некий естественный отбор. Если в прежние времена аристократизм, дворянство передавались по наследству через воспитание и кровь, то каким быть теперь — личное дело каждого. Читаешь хорошие книги — приобретаешь глубину чувств, остроту ума, постигаешь красоту гармонии. Не читаешь — остаешься таким, как есть, дело твое. Но тебе следует помнить высказывание Цицерона: «Дом, в котором нет книги, подобен телу без души».

*Как душу, не споткнувшись, пронести
Дорогою неверною земною...*

Что потеряла, а что приобрела Ваша душа на сложной и не всегда верной земной дороге? Сохранились ли в ней чувствительность, чуткость и наивность из детства? Согревает ли ее далекий огонек малой родины? Не потому ли Вы поддерживаете добрые и тесные связи с Беларусью, в том числе и литературные?

Не знаю, что потеряла и что приобрела душа. Это все откроется разве что на Страшном суде.

Детство не такое уж идеальное время в жизни человека, и не такое светлое и безгрешное, как нам кажется и помнится. В детстве человек гораздо ближе к зверенышу, в нем много жестокости и эгоизма. Но в детстве человек открывает мир, смотрит вокруг свежим взглядом, детские впечатления питают нас всю жизнь.

Я люблю свою малую родину, деревню, в которой рос, реку Березину. Но все-таки я человек имперский — отец мой похоронен Крыму, там он построил дом, в котором сейчас живет мой брат. Другой брат похоронен на Украине, дядя умер в Ташкенте. Мама, брат, сестра, племянники живут в Молодечно... Сам я уже полвека в Москве. Все трагические разрывы страны прошли через меня. Хотя в те времена я этого и не почувствовал. Да и все люди думали, что эти разрывы и границы — это так, временно, что это баловство политиков...

Современную белорусскую литературу я знаю не очень хорошо, потому что задуманы были эти номера журнала «Москва» с произведениями белорусских писателей. И самому поближе узнать о состоянии дел, и читателей познакомить с творчеством белорусов.

Прежде я много переводил с белорусского. Всех уже и не упомяну. В прежние годы чаще бывал в Беларуси, теперь стараюсь приехать хотя бы раз в год, когда вся семья встречается в день рождения моей мамы, 7 января. Нынче ей исполнится 87 лет.

*И что кому до горьких чувств моих,
Но у поэтов мне всего дороже —
Что по земле прошли герои их,
Цветка не смяв, росы не потревожив.*

В этих строчках угадывается, какие литературные произведения Вам ближе как читателю, писателю и редактору серьезного журнала. А кого из российских современных авторов Вы бы выделили и порекомендовали белорусскому читателю?

Я рекомендую книги моих друзей и знакомых. Хорошо и интересно пишут Алесь Кожедуб, Михаил Попов, Александр Сегень, Алексей Варламов, Юрий Козлов, Владимир Куницын, Михаил Шелехов, Анатолий Загородний... Лет десять назад мы открыли и напечатали замечательные и остроумные рассказы Алеси Казанцевой.

Сегодня нет у нас писателей уровня Михаила Булгакова, Михаила Шолохова, Василия Шукшина... Но средний уровень довольно высокий. Я перечитываю иногда подшивки журнала «Москва» 70-х и 80-х годов. Там этот средний уровень намного ниже, очень много серого, невзрачного. Время безжалостно и справедливо, от имен, что когда-то гремели, не остается и следа.

*И мир опять обманется легко,
И празднослова назовет пророком.*

Почему празднословие, многословие, ложь бывают убедительнее для мира, чем тихое и лаконичное слово правды? Всегда ли удается Вам отделять зерна от плевел? Случается ли обманываться, становиться органичной частью толпы?

Нет, не припомню, чтобы я когда-нибудь очаровался писателем, которого нахваливают, рекламируют. Я на веру в литературе не принимаю ничего. Современная критика сводится, как правило, к рекламе, живет по законам пиара. Это касается не только русской литературы, это мировая практика. Пиар — это ветер, который поднимает пестрый легковесный сор, поднимает его в воздух, кружит, а затем роняет на землю. Тут же в воздух поднимается новый пестрый сор. Хочется надеяться, что, возможно, лежат в глубине золотые слитки, занесенные и накрытые всем этим мусором...

Как правило, мне достаточно прочесть десяток-другой страниц, чтобы отложить разрекламированного автора и не возвращаться к нему больше.

Есть верный способ определить, хорош автор или перед нами просто бойкий писака. Поставить его творение на полку с классикой. Только и всего. Если устоит, удержится, не свалится тотчас вниз — все хорошо.

*Но в слове подделок, и в музыке фальши
На свете все большие, такая беда...*

Что Вы скажете о тщеславии в творческой среде? Не губит ли оно талант, не является ли базой для фальши и подделок? Или, наоборот, помогает двигаться к успеху?

Без тщеславия художника не бывает. Это такой внутренний движок, который помогает справиться с ленью, заставляет работать, добиваться результата. Это вообще одно из главнейших качеств всякого человека. Даже великие святые признавались, что им не удастся до конца изжить тщеславие.

Что касается «творческой среды», то редко в какой-либо другой среде можно встретить столько мелочного, завистливого, подлого. Михаил Булгаков хорошо отобразил эту среду в «Мастере и Маргарите», в «Театральном романе»... Но ведь рядом с мелочным и подлым в каждом писателе есть и, несомненно, великое, благородное. Минусы и плюсы взаимодействуют, чем больше разность потенциалов, тем выше энергия творчества.

*Все сбылось, но только лишь отчасти,
Ночи мои темные длинны...
Ну а в том, что мало в жизни счастья,
Ни малейшей нет моей вины.*

*Не скажу, что жизнь такая злая,
Оставляет всех нас в дураках,
Просто тот, кто видел счастье, знает,
Что оно не держится в руках.*

Что для Вас счастье?

Думаю, счастлив человек, который определенно знает и чувствует, что у него — чистая совесть. Это важнейшее условие, иначе вряд ли почувствуешь себя счастливым. Без ощущения чистой совести нет человеку покоя, нет у него подлинной радости, а стало быть, нет и полноценного счастья.

Но человек — существо хитрое, увертливое. Даже и негодяй умеет себя убедить в том, что совесть его чиста. Может украсть и ограбить и быть при этом вполне спокойным. Мол, «грабь награбленное». Может убить и быть довольным тем, что убил «врага народа» и т. п.

Другое дело, что в каждом человеке есть такая невидимая, но очень едкая штука — совесть. Она точит изнутри, неприметно, но и неусыпно. И в конце концов человек теряет покой, а вместе с ним и ощущение счастья.

Испытывая прилив счастья, положим, влюбившись, человек сразу же получает в довесок и величайшую тревогу, озабоченность, беспокойство — как бы не потерять этот бесценный дар. И ощущение полноты счастья, которое вот только что окрыляло нас, куда-то улетучивается.

«Не держится в руках».

В лесном ручье сотру остатки грима...

А часто ли случается накладывать грим? Судя по Вашим произведениям, Вы гримироваться крайне не любите. Удастся ли быть самим собой?

Не надо быть самим собой. Самим собой человек был в раю, в Эдеме. Чистый и безгрешный. Нарушил завет и был отпущен на землю, облечен в «ризы кожаные». Иными

словами, дух и душа его помещена была в животное тело, покрытое шерстью, клыкастое и плотоядное...

Бог, разумеется, заранее знал, что райский человек согрешит. И заранее приготовил ту, условно говоря, обезьяну, ту тяжелую и косную «ризу кожаную», куда и вселил возгордившегося царя природы. Зачем Бог допустил эту трагедию? Вероятнее всего, затем, чтобы человек на собственном горьком опыте, а не в умозрительной теории познал, каково это — жить без Бога.

Вот и познаем, каково это. Через болезни, войны, через личные драмы...

Так что еще раз повторю: не надо оставаться «самим собою», нужно бороться с собой, преодолевать себя, вырывать из себя хищное, волчье, звериное...

*Да, мы всякое в жизни видали,
Я не раз по себе замечал,
Переносишь и терпишь удары,
А касанья разят наповал.*

Почему именно сильного человека мелкое ранит сильнее? А маленький укус может оказаться смертельным? Считаете ли Вы себя сильным? И какое у Вас жизненное кредо?

Какой же я сильный? Я мечтатель, а значит, заведомо слабый человек, восприимчивый и к касаниям, и к ударам.

Кредо, пожалуй, вот в чем: если от того, что ты живешь на этой земле, кому-то жить труднее, хуже, тоскливее, значит, ты живешь не так, как надо. А надо так, чтобы тому, кто рядом с тобой, было хотя бы чуточку светлее, легче и отраднее.

*В разгар чумы и торжества врагов
Вам пригодятся пушкинские песни,
Вы разделите их, как пять хлебов, —
И в душах ваших горний дух воскреснет!*

Вы верите, что именно его величество Слово поможет воскреснуть в душах людей горнему духу? И что «в начале было Слово»?

Горний дух в человеке по-настоящему может возродить только вера. Сфера религиозного, мистического, духовного — высшая сфера. Это небесное. Вера призывает нас к борьбе со страстями, призывает к любви и в конечном итоге — к смирению.

Литература же, напротив, питается именно страстями и житейскими конфликтами.

Поэзия и проза, и всякое другое искусство, находятся на уровне, который заведомо ниже, это сфера земного, и в небо мы заглядываем редко. Литераторы — люди не духовные, а душевные. Это большая разница.

Хорошая поэзия и проза, кроме того, что изоощряют вкус и воспитывают чувство прекрасного, помогают человеку разобраться с собой, со своими слабостями. Обычный человек так и проживает свою жизнь, считая себя порядочным и

славным малым. Потому что не умеет и не хочет заглядывать в себя поглубже, опасается проникнуть туда. Хороший писатель может научить нас погружаться в эти опасные глубины и показать, как оттуда выбираться без особенного ущерба для здоровья. То есть будоражит совесть, заставляет бороться, каким-то образом исправлять себя, действовать...

Творчество Пушкина — образец красоты и гармонии. И в этом смысле оно может выправить и выпрямить человека. Дать ему верное направление.

То, что в Евангелии от Иоанна именуется как «Слово», имеет множество оттенков и смыслов. Это и Логос, то есть Мудрость, и Красота, и Любовь, и Гармония... Это все должно быть и в искусстве. И называться — идеалом.

К сожалению, в последние времена литература все больше поворачивается в сторону ада. В современном искусстве слишком много безобразного, а безобразное — это выражение страха и ненависти.

Красота же и гармония, которые свойственны классической литературе, не что иное, как проявление добра и любви.

Спасибо, Владислав Владимирович, что уделите время, ответив на вопросы интервью, и что предоставили читателям «Нёмана» возможность познакомиться с Вашим поэтическим словом.

Беседовала Наталия КОСТЮЧЕНКО

Владислав АРТЕМОВ

ЛЕСНЫЕ БОГИ

Мы пойдем с тобою по дороге,
Там, где сосны в золоте смолы,
Где крадутся меж деревьев боги,
Для чего-то прячась за стволы.

Коротка дорога, далека ли,
Вдаль от нас бежит или же к нам,
Помнишь, эти боги окликали,
Называли нас по именам.

Гуще лес и сердце бьется чаще,
Отзываясь звоном в голове,
В самой темной, в самой гиблой чаще
Наши боги прячутся в траве.

В темных дебрях — топи да болота,
Чувствуешь, как холодно в груди,
Стонут и зовут они кого-то,
Ты на зов их лучше не ходи.

Не сходи с проторенной дороги,
Беззаботной птицей не свисти,

Потому что эти злые боги
Далеко нас могут увести.

Небо в соснах светит бирюзово,
Кличут боженята и божки,
Если ты пойдешь навстречу зову —
Не сносить тебе твоей башки.

Вот кого-то тащат из трясины,
Рвут его из кочки, как клеща,
И трясутся бедные осины,
На ветру треща и трепеща.

Всколыхнется тина у болотца,
Ясно, там борьба кипит на дне,
Холодом дохнет, как из колодца,
И затихнет схватка в глубине.

То дожди, то листья в позолоте,
То мороз, то ели в серебре,
Будешь век томиться в том болоте,
Тосковать, как муха в янтаре.

Не ходи к далеким тем осинам,
Кто-то там висит, и пусть висит...
Дикий ветер бродит по вершинам,
Да по листьям дождик шелестит.

На коре разрывы... Ну и когти!..
Страшный зверь тут шел на водопой,
Тень его черней и гуще дегтя,
Эта тень крадется за тобой.

Потеряли в чаще мы друг друга,
Где же ты, мой свет? Пропал и след...
Я споткнусь и вскрикну от испуга,
Эхо рассмеется мне в ответ.

Ах, какая славная картина,
Будто утро в шишкинском лесу!
Мы пойдем на свет, и паутина
Будет липнуть к потному лицу.

Помнишь, никого мы не боялись,
Где любовь, там рядышком и грех,
Вот под той березкой целовались,
А под елью прятались от всех.

Облетало платье, как туника,
И на мох, и на лесной песок

Рассыпалась синяя черника,
Опрокинув легкий туесок.

Наши боги чувств своих не прячут,
Эй, замри, послушай эту тишь.
Слышишь, как зовут они и плачут?
Ты, конечно, слышишь, но молчишь.

Ты смеешься черными губами,
Мы идем домой через лесок,
Я тащу три короба с грибами,
Ты несешь с черникой туесок.

Боже мой! Все это было с нами,
Все прошло, остался только свет.
И мелькали боги меж стволами
И махали ветками нам вслед.

Это было в рощах под Калугой,
Где живут веселые грибы.
Где когда-то жили мы с подругой
И своей не ведали судьбы.

Боги, боги! что ж вы замолчали?
Я тяжелых век не подниму,
Ты, родная, снилась мне ночами,
Снилась мне — и больше никому.

Постою совсем еще немного
На исходе солнечного дня,
Как печально, что твоя дорога
Не ко мне вела, а от меня.

Пыль клубится, тихо оседая,
Плачут сосны в солнце и в смоле,
А в полях печаль моя седая
Стелется туманом по земле.

Ты меня прости за эти слезы,
Пусть они струятся и бегут,
Пусть шумят над берегом березы,
Пусть шумят... И память берегут.

Милая, пусть все тебе простится,
Вот стою, тоскуя и любя,
И гляжу, как облака и птицы
С криком пролетают сквозь тебя...

Жизнь прошла, промчалась, вот потеха,
В той же самой роще, как тогда

Я кричу, зову тебя, но эхо...
Замолчало эхо навсегда.

Навалилась и тоска, и слякоть,
Ни просвета в небе не видать,
Милая, ну как же мне не плакать,
Как же мне не плакать, не рыдать...

СИРЕНЕВЫЙ ТУМАН

Отточенная, с рифмой на конце,
Войдет строка, как будто в сердце нож вам.
С безумною улыбкой на лице
Я шел к реке, а оказался — в прошлом.

И понимая, что схожу с ума,
Я разглядел неясно, как сквозь дымку, —
Вокзал, перрон, сиреневый туман,
Солдатик юный с девушкой в обнимку.

Оцепенев, дыханье затая,
Шаги замедлил, подходя поближе...
Не может быть! Неужто это я —
Одет в шинель и наголо острижен.

Динамики пролаяли: «Пора!» —
Все потонуло в грохоте и гаме,
Залязгали протяжно буфера,
И дрогнула платформа под ногами.

А девушка, печаль моей души,
Что будет с ней, она еще не знает,
Она кричит вдогонку мне: «Пиши!..»
И навсегда в тумане пропадает.

Обугленная, в искрах и в огне,
Пылает память, и душа томится,
Нельзя терпеть, чужая боль во мне
То стихнет, то по новой разгорится.

Да это все чужое, не мое,
Не мучай меня, память... да уйди же!..
Над дальней рощей кружит воронье,
Высокий берег тих и неподвижен.

Былое пусть останется в былом,
Иду к реке, дымясь и остывая...
Высокий берег весь порос быльем,
Течет туман, все дальше уплывая.

Там девушка, безумие мое,
Мне до нее вовек не докричаться.
Да знаю я, что — не было ее!..
Но тем больнее с нею расставаться.

ОКЕАН И Я

Ты мне откажешь холодно и резко,
И я очнусь в глубокой тишине,
Никто не слышит скрежета и треска
Опор и стен, что рушатся во мне.

Я дошатаюсь кое-как до дому,
Открою дверь трясущейся рукой...
Вот океан устроен по-другому:
Снаружи буря, а внутри — покой.

БЕЛАЯ ВЬЮГА

Острым холодом веет от двери,
Деревенская жизнь проста —
Вот живем мы тут, разные звери,
Я да ворон, да два кота.

Все гляжу я на белую вьюгу,
И такая звенит тишина...
Завести себе, что ли, подругу,
Чтобы плакала у окна.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первая любовь — как наважденье.
А в конце меня учила ты,
Как легко, одним простым движеньем
Нужно рвать присохшие бинты.

Позабыл лицо и даже имя,
Но вовек мне не забыть о том,
Как стоял под окнами твоими,
Пил вино и плакал под дождем.

ДВЕ ЛАСТОЧКИ

Притихла роща, как перед грозой,
Душа притихла, как перед бедой.

На берегу стояли мы с тобою,
Две ласточки носились над водой.

Проходит жизнь. Как много в ней печали.
Трепещет ветер в золоте осин.
Две ласточки давным-давно пропали.
На берегу остался я один.

ВОРОЖЕЯ

Баллада

Помолясь за дальних и за ближних,
Шел, ни зги не видя впереди.
Боль моя, простая как булыжник,
Тяжело ворочалась в груди.

Шел я ночью по кривой дороге,
На глаза надвинув капюшон.
Вот он, дом... Споткнулся на пороге,
Постоял... И все-таки вошел.

Робко, словно битая собака,
Я стоял в колеблющейся мгле,
Чьи-то рожи скалились из мрака.
И свеча горела на столе.

Тьма давила, тяжело нависала,
Шевелясь, сгущалась на печи,
Тень моя горбатая плясала
И кривлялась в пламени свечи.

Тьма сверкнула черными очами,
Молча поднялась из-за стола,
Как бы раскаленными лучами
Дрогнувшую душу обожгла.

Я вздохнул, снимая крестик с шеи,
Весь как есть, раздавлен и распят,
И спросил у темной ворожеи,
Старой ведьмы с древних гор Карпат:

«Ты ответь мне, демонская сила,
Видишь ли, смертельно ранен я,
Чем меня так больно присушила
Женщина любимая моя?

Отчего как волк ночами вою,
Выгораю и схожу с ума,
Тьма сплошная за моей спиной,
Впереди еще плотнее тьма.

Жизнь моя ущербна и убога,
Сам же я не смею, не прерву...
Легкой смерти я просил у Бога,
Бог сказал: «Живи!» И я живу...

Это тело годы не согнули,
Погляди, я крепок, зол и крут,
Я хотел бы умереть от пули,
Но на фронт сгоревших не берут...»

Покривилась, помолчала малость,
Отпустила ворона с руки,
Медленно и зло расхохоталась,
Выставляя желтые клыки:

«Сокол мой, да ты почти железный,
В этой силе — вся твоя беда,
Потому тебя и манит бездна,
По-простому звать ее — Звезда.
Ты силен, но если ты мужчина,
Перед этой темною пучиной,
Перед этой черною дырой
Попроси — и колдовскою силой
Я порушу все в ее судьбе —
Все ей станет тошно, все немило,
Будет сохнуть только по тебе.
Ты же наконец задышишь вольно
И на жизнь посмотришь веселей,
От любви несчастной станет больно
Не тебе, а женщине твоей...»

Молча я глядел на ворожею...
Темень расступалась... А затем —
Я надел тяжелый крест на шею,
Поклонился и ушел ни с чем.

ПИР

Думы мои грустные, да ну вас!
Память полистаем, поглядим,
Вот сидим в обнимку — я и юность.
А вот здесь вот я уже — один.

Широко ты, юность, пиновала,
Не тревожась, что там впереди,
И веселых девок обнимала,
И рвала рубаху на груди.

Память, память дышит как живая,
Не унять и не уговорить.

Вот сажу, рубаху зашиваю,
Колется игла, и рвется нить.

Но неважно, сколько там осталось.
Эта ночь — ну до чего ж светла!..
Вот сидим в обнимку — я и старость,
Собираем крошки со стола.

СКАЗКА О ДОМЕ

Купил себе я дивный дом:
Сирень-черемуха по саду,
Малина прямо под окном,
Резные птицы по фасаду.

Но непонятно было мне,
Зачем так странно усмехалась
И уступала мне в цене
Старуха, чокнутая малость...

Поднялся раненько, чуть свет,
Едва успел надеть рубашку...
Гляжу, а дома-то и нет —
Стоят ворота нараспашку.

Народ горланит у ворот,
Орет и машет кулаками:
«Да он то в рощу забредет,
Не то пасется за холмами...»

Жизнь замелькала день за днем,
За годом год, за летом лето, —
По всей земле ищу свой дом,
Кого ни спросишь — нет ответа.

Дорога кружится, пыля,
Бездомно в мире человеку.
То снег летит через поля,
То дождь шагает через реку.

Приходит осень в свой черед,
Цвета меняются в природе,
Пустеет грустный огород,
Шуршит крапива в огороде.

Я все аукал, звал, кричал,
Об камни пятки искровавил,
Зарос до глаз и одичал,
Лицо мое — коры корявей.

«В лесном ручье сотру остатки грима...»

Встаю ли я средь бела дня
Осиной старой над болотом,
Садятся птицы на меня,
Чтоб отдохнуть перед отлетом.

То по февральской сизой мгле,
А то цветущим майским лугом
Хожу, скитаюсь по земле,
Все нарезаю круг за кругом.

Быть может, вон за тем холмом
Придет к концу мой долгий поиск.
Я догоню сбежавший дом.
И лягу в нем.
И успокоюсь.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНЩИНА

Кто про что, а я опять — про счастье,
Про печаль пустых моих полей.
Вот и мне пришла пора прощаться
С женщиной последнею моей.

То святой казалась мне, то стервой...
Выпить, что ли... Стоя и до дна, —
Сколько их бывает после первой,
Женщина последняя — одна!

Догорает пламенно и нежно
Мой закат за пеленой дождя.
Уходи, последняя надежда,
Но чуть-чуть помедли, уходя...

Виктор ИВАНЧИКОВ

Памятник Мужеству и Скорби

К 35-летию вывода советских войск из Афганистана

Накануне 35-летия вывода советских войск из Афганистана журнал «Нёман» предлагает читателям познакомиться с исследованием публициста Виктора Иванчикова, которое посвящено истории возведения в Минске памятника воинам-интернационалистам. На протяжении восьми лет Виктор Александрович заведовал филиалом «Памятник воинам-интернационалистам» Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и досконально исследовал непростую историю монумента, опираясь на архивные документы. Итогом этой работы стала книга «Памятник Мужеству и Скорби»¹, с главами из которой, адаптированными для журнальной публикации, мы и предлагаем вам познакомиться.

Каким мог быть памятник воинам-интернационалистам в Минске?

9 ноября 1988 года ЦК ЛКСМБ, исполком Минского городского Совета народных депутатов, Союз художников БССР и Союз архитекторов БССР приняли постановление № 17/5а «О проведении открытого конкурса на эскизный проект памятника воинам-интернационалистам в г. Минске». Планировалось, что он будет возведен в Чижовке, в парке имени 900-летия города Минска. Но выбор места и выбор эскиза памятника вызвали бурные общественные обсуждения. Например, рассматривалась возможность строительства монумента в районе метро «Восток». Конкурс победителей не выявил.

21 марта 1990 года ЦК ЛКСМБ объявляет второй тур конкурса на эскизный проект памятника воинам-интернационалистам с указанием места его возведения — искусственный остров на реке Свислочь в районе Троицкого предместья в Минске.

Памятник воинам-интернационалистам

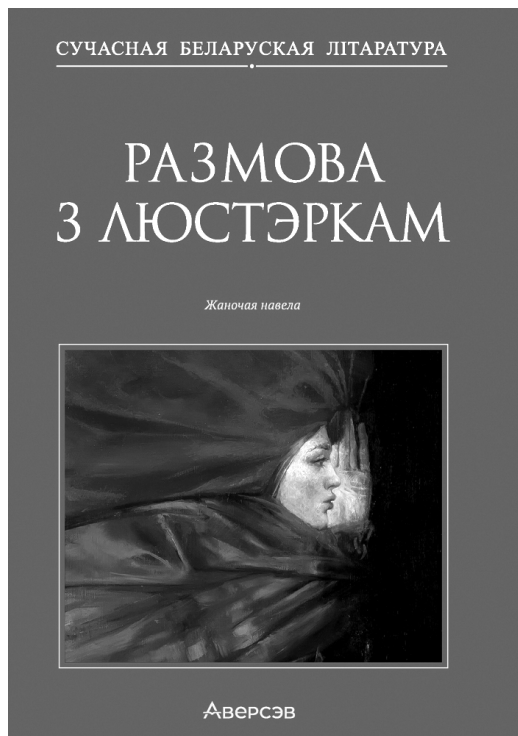
Фото Виктора Иванчикова

¹ Иванчиков, В. А. Памятник Мужеству и Скорби. — Минск : НиктаграфиксПлюс, 2021.

Елена КРИКЛИВЕЦ

Перед зеркалом...

Рецензия на сборник новелл «Размова з люстэркам»

«Я ль на свете всех милее?» — спрашивала героиня сказки Пушкина у волшебного зеркала. А какой вопрос хочется задать каждому из нас? Вглядитесь в человека из зазеркалья. В отражение своего «я», своей эпохи. Чем живет это отражение? Что его волнует, радует, печалит? Какой нравственный выбор ставит перед ним жизнь?

Книга «Размова з люстэркам», увидевшая свет в 2023 году в рамках совместного проекта общественного объединения «Союз писателей Беларуси» и издательства «Аверсэв» (составитель Алесь Карлюкевич), воплощает попытку белорусских писателей зафиксировать психологический облик современника, его социальное и моральное «отражение». Авторы произведений, собранных под одной обложкой, — женщины. Стоит ли искать в литературе гендерные отличия? Существуют ли

«женская» и «мужская» новеллы? Или существуют хорошие и плохие произведения вне зависимости от их авторства? Думаю, что не стоит сводить дискуссию к феминитивам, но имеет смысл обратить внимание на духовные и нравственные ориентиры женщины в современном социуме, на метонимический способ женского познания мира, на лирическую доминанту многих рассказов, представленных в сборнике.

Так, исторические события последней трети XX века становятся фоном рассказа Веры Зеленко «Американские друзья». Писателя больше волнует психологическая сторона эмиграции, разделившей друзей юности на своих и чужих. Героиня рассказа внимательно вглядывается в «американских друзей», стараясь уловить изменения, которые произошли с ними за годы, проведенные за границей, пытаясь постичь психологию «чужого». От пристального взгляда женщины не укрывается ни одна мелочь: детали туалета, жесты, мимика, манера речи. В рассказе звучит жизнеутверждающий вывод о том, что «...ничего не меняется. Ничего! Тридцать лет прошло. Какими мы рождаемся, такими и идем по жизни». Однако читатель замечает, как деликатно гости, собравшиеся за праздничным столом, обходят вопросы политики и другие щекотливые темы.

Редакция журнала «Нёман» поздравляет нашего уважаемого автора, председателя ОО «Союз писателей Беларуси» Александра Николаевича Карлюкевича с 60-летием! Желаем здоровья, неиссякаемой энергии и осуществления творческих, профессиональных и личных планов!

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Взгляд на малоизвестные произведения Чингиза Айтматова

Оригинальное литературоведческое исследование «Неоконченные произведения Чингиза Айтматова: в чем причина?!» киргизского академика Абдылдаджана-Мелиса Акматалиева, пожалуй, главного айтматоведа в мире, я приобрел, можно сказать, случайно, благодаря поездке в Бишкек для участия в XVI Форуме творческой и научной интеллигенции Содружества Независимых Государств. И, разумеется, рад тому, что открыл для себя новое издание в области изучения жизни и творчества великого писателя.

Книга издана на двух языках — киргизском и русском. Вероятно, те статьи, которые публиковались на киргизском, автор и в сборник включил на языке оригинала. Те, что увидели свет в русскоязычном периодическом издании («Слово Кыргызстана») или были изначально написаны на русском, Абдылдажан-Мелис Акматалиев так в книге и представил. Об этой части «Неоконченных произведений...» некоторые мои размышления, заметки на полях прочитанного.

Академик-айтматовед приглашает нас к осмыслению малоизвестных произведений великого писателя, совместному творческому поиску в определении художественных приоритетов Чингиза Айтматова. Так происходит и в статье Абдылдаджана-Мелиса Акматалиева «Умер или был убит?..»

«Дорогой читатель! — обращается исследователь ко всем, кому дорого творчество автора немеркнувших и сегодня произведений. — Мне было суждено знакомиться с изданными произведениями Чингиза Айтматова еще в рукописях. В те еще 90-е годы мне довелось самому читать рукописи «Цены Бога» и «Смерти у Стены плача», а некоторые их отрывки, которые были после отложены в сторону, я по сей день храню в своем архиве. Что касается таких произведений, как «Флейта и земля», «Золото и снег», то я прочел их еще 7 июля 2013 года. В 2006 году Чингиз Айтматов рассказал мне сюжет своего рассказа «Золото и снег». О названных двух произведениях я пишу, начиная с 2013 года. <... >

Сегодня, составляя 12-томник произведений Ч. Айтматова, я натолкнулся на рукопись еще одного произведения писателя. Оно называется «Свидание с убитым сыном».

Итак, я познакомился с рукописью Чингиза Айтматова «Свидание с убитым сыном». В этот раз, то есть в 2023 году, я обратился к сыну писателя Эльдару и предложил ему донести до читателя те произведения, рукописи которых я видел в доме писателя. Одна из причин этого была в том, чтобы в год 95-летнего юбилея писателя предложить читателям его неопубликованные произведения. 7 июня того же 2013 года я выпустил объемную статью о рукописи «Флейта и земля», с которой ознакомился с разрешения Марии Урматовны. И хотя с тех

пор прошло уже десять лет, теперь и это произведение вместе с рукописью «Свидания с убитым сыном» должно дойти до читателя.

Как оказалось, рукопись «Свидания с убитым сыном» является продолжением рассказа «Свидание с сыном», точнее говоря, его второй частью. Однако первая часть была раньше представлена читателю в качестве рассказа. В то же время в рукописи жанр произведения был указан как «повесть», что доказывает единство названных двух произведений. Тогда возникает закономерный вопрос: «Почему писатель опубликовал лишь первую часть произведения?»...»

Киргизский академик, тонкий знаток буквально всего, что написал классик, исследователь, не только перечитавший все интервью, все свидетельства самого писателя, но и человек, довольно часто находившийся рядом с Чингизом Айтматовым, задает и себе, и всем нам непростые вопросы. Те, для ответа на которые важно учитывать множество обстоятельств, окружавших Айтматова, обстоятельств, характеризующих «время Айтматова». Этим и притягательны страницы историко-литературного, литературоведческого повествования айтматоведа. Читаем дальше в его статье «Умер или был убит?..»: «... сперва произведение было опубликовано в 1964 году на английском и французском языках и лишь затем, в 1970 году, вышло на русском, а в 2018 году на киргизском языках? В чем причина этого? Интересный факт — произведение было завершено в 1964-м в Алма-Ате. Даже если отвлечься от всего прочего, какова причина того, что рассказ «Свидание с сыном» вышел на русском языке позже его публикации на иностранных языках?! Почему рукопись вышла сначала на иностранных языках?! Ведь вроде бы не было никаких сил, которые могли бы помешать изданию рукописи обладателя самых высоких наград — Ленинской премии и двух (к тому времени) Государственных премий СССР?! Кто мог бы перечеркнуть вторую часть произведений Чингиза Айтматова, чья слава гремела в то время на весь мир?! Если бы эта часть произведения была опубликована на иностранных языках из-за того, что не прошла цензуры, тогда Чингиз Айтматов подвергся бы сильному идеологическому и моральному удару. Было ли разделение единого произведения на две части сделано с согласия самого писателя, или же вмешалась цензура? После множества таких вот вопросов и прочтения рукописи мне пришлось заняться поисками ответов на них...»

О чем же конкретно само повествование Чингиза Айтматова?.. В произведении «Свидание с сыном» писатель показывает — образно, художественно — царившие на фронте в Великую Отечественную хаос и беспорядок, показывает бесчестие отдельных командиров, случаи, когда «в ложном рвении жестоко наказывали за малейшую провинность» (А.-М. Акматалиев)... Старый Чодрон через многие годы продолжает скорбеть по своему погибшему на войне сыну. И размышляет о необходимости поездки в село, где сын когда-то трудился. С окончания войны прошло двадцать лет. Чодрон отправляется в дорогу. И ведет свой разговор с сыном...

«— Отец, наконец-то, ты приехал! — подойдет к нему.

— Приехал, родной мой. Здравствуй. Ты все такой же. А я постарел, как видишь.

— Да нет, отец, не так уж ты стар. Просто времени прошло много. Почему так долго не приезжал? Сколько лет прошло, двадцать, а то и больше. Или ты не скучал обо мне?

— Как же не скучал! Всю жизнь тоскую. Ты прости, что так долго заставил тебя ждать. Все не мог собраться. Сам знаешь, мать умерла, ее хоронил. Ты, наверно, встретил ее. После того, как ты погиб на войне, она слегла и больше не

поднималась. А теперь вот приехал почтить память твою. Приехал поклониться людям, среди которых ты жил. Хочу поклониться этой земле, этим горам, воздуху, которым ты дышал, воде, которую ты пил. Вот и свиделись, сын мой. Что же ты смотришь, вежи, показывай мне школу свою, покажи аил, ты так много рассказывал о нем...»

Вопросы жизни и смерти, войны и мира, вопросы, связанные с определением простым человеком-единицей главной философии жизни. Ради чего мы приходим в этот мир? Ради созидания или разрушения? Приходим жить или убивать?.. Старый Чодрон не остановил юного, еще не военнообязанного, сына перед отправкой на фронт. Имел ли он моральное право не пустить сына на войну?.. Дочери, стараясь заставить отца защитить своего брата от огненного смерча, даже такое сказали Чодрону:

«— Ты гонишь своего сына на смерть!

— Будь ты проклят, ты нам не отец!

— Да, ты нам не отец! — подтвердила другая».

В неизданной части произведения — фронтовая судьба комсорга Султана Чодронова. Подразделение, не выдержав напора врага, отступает. Вокруг — много раненых и убитых. Султан выносит на себе раненого друга Аркадия Ковалева. Спасает его, а затем возвращается в подразделение. Выжил, спас друга — все это радость. А тем временем... Бойцов, которые почти голыми руками дрались с танками, обвиняют в трусости... Солдат не должен отступать, не должен терять оружие. Есть приказ — приказ № 227...

«— Безобразия! Развал дисциплины! Сволочи! — вскричал капитан. — Кто дал приказ отступить? Я спрашиваю, кто приказал отступить?

И опять в строю было тихо. Никто никаких приказов нам не отдавал. Мы отступали потому, что иного выхода не было. Кто приказывал? Смешно. Разве в этом была суть! И тут, я не знаю, почему так сделал Султан, что его толкнуло на это, возможно, он хотел как-то вступить за нас, прекратить эти оскорбления. Мы же не заслуживали оскорблений, если даже мы и бежали. Мы дрались почти голыми руками с танками.

— Я приказал! — ответил Султан.

— Кто ты? Шаг вперед!

— Комсорг роты, рядовой Чодронов, — вышел из строя Султан.

— Комсорг? Да по какому праву? Как ты смел? Сопляк! С этой минуты ты не комсорг. Где твоя шинель? Где твое оружие? Почему ты не отдаешь честь?

— Шинель и винтовку потерял. А честь вам отдавать не желаю! — негромко сказал он, и во дворе замерла жуткая тишина.

Капитан не кинулся к нему, не схватился за кобуру.

— Ты знаешь приказ о расстреле? — спросил он, сдерживая ярость.

— Знаю, номер 227, за утерю оружия на поле боя — расстрел, — ответил Султан».

Академик-айтматовед подчеркивает: «Через все произведения писателя, посвященные военной тематике, проходит некая красная линия. Она о том, что каким бы мучительным, жестоким испытанием ни была война, к гибели скольких людей она бы ни привела, человек должен сохранить свое великое звание «Человек». А то, что вместе со всеми страданиями, ужасом и горем войны было проявлено негуманное отношение к участвовавшим в войне солдатам, причем со стороны не немцев как врагов, а своей же советской власти, которое мы видим в судьбе Абуталипа, Султана, — это вина, которая, безусловно, полностью лежит на государстве и военном командовании». И дальше:

«Возможно, поэтому и не прошло советскую цензуру «Белое облако Чингисхана», повествующее о судьбе Абуталипа. Возможно, советской цензуре не понравилось то, что солдат-киргиз спас жизнь русского солдата Аркадия Ковалева...» Этому Ковалеву, кстати, Султан и свою винтовку отдал. Потому что его личное оружие уронил в воду, когда тащил раненого. А найти в воде не смог. Вот и отдал свою винтовку... Чингиз Айтматов не дает однозначного ответа на вопрос о том, как следовало поступать вершителям человеческих судеб в военное время. Писатель оставляет читателя в сложных, конфликтных, жестких ситуациях. И если мы начинаем задумываться над ними, значит, выполнена главная художественная задача прозаика...

Абдылдажан-Мелис Акматалиев ставит немало вопросов, которые требуют нового обращения к написанному Чингизом Айтматовым. Творчество классика киргизской и мировой литературы, подчеркивает своими поисками айтматовед, и сегодня носит исключительно актуальный характер, и сегодня может и должно служить делу воспитания Человека и Общества.

Читая о произведении «Свидание с убитым сыном», невольно вспоминаешь и другие айтматовские повествования, связанные с войной: «Лицом к лицу», «Джамиля», «Материнское поле». Разные по своему художественному ракурсу, лишенные в такой степени как «Свидание...» политических мотивов, они не менее драматичны и тем самым притягательны, заставляют размышлять на философские темы.

Абдылдажан-Мелис Акматалиев — из одной творческой когорты с белорусским литературоведом Алесем Адамовичем, который почти сорок лет назад обратил внимание на слова Айтматова в его беседе с пакистанским поэтом Фаизом Ахмадом Фаизом: «... человечество переступило новый порог познания и явно оказалось неподготовленным к этому ни в социальном, ни в нравственном отношении. Оно получило в руки энергию космической мощи и угрожает ею себе же — само себе... Невозможно ведь отрешенно обдумывать такого рода вероятность — сухая информация вызывает взрыв эмоций. Может быть, характер этих эмоций таков, что он трудно поддается переводу в образный ряд искусства».

Книга «Неоконченные произведения Чингиза Айтматова: в чем причина?!» — не просто увлекательное чтение. Это — книга для читателя думающего и работающего над развитием своего сознания, стремящегося делать свои собственные выводы. Академик Абдылдажан-Мелис Акматалиев — яркий, блестящий исследователь творчества великого писателя. Вероятно, в разных странах (к слову, произведения самого Айтматова переведены на языки 150 народов мира!) следовало бы издать Акматалиева. Хотя бы на постсоветском пространстве, где у Чингиза Айтматова и сегодня миллионы читателей, хотя бы в Москве — на русском языке.

ЖДАН-ПУШКИН (ПУШКИН) Олег Алексеевич. Родился в 1938 году в городе Смоленске (Россия). Окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института и Литературный институт имени А. М. Горького (Москва). Прозаик, драматург, переводчик. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич. Родился в 1948 году в Минске. Окончил Белорусский государственный университет. Автор двадцати пяти поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, книг прозы и нескольких книг переводов. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, обладатель «Золотого Витязя — 2022» в жанре поэзии. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Награжден орденом и медалью Франциска Скорины, орденом Святой преподобной Евфросиньи Полоцкой от Белорусской православной церкви. Живет в Минске.

СОВЕТНАЯ Наталья Викторовна. Родилась в 1956 году в поселке Янтарный Калининградской области (Россия). Окончила Ленинградский государственный университет. Поэт, прозаик, публицист, кандидат психологических наук. Автор семнадцати книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в России, Беларуси, Сербии. Победитель и лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Живет в городе Городок Витебской области.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович. Родился в 1951 году в деревне Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, прозаик, публицист. Автор более ста книг для детей и взрослых. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и других республиканских и международных литературных премий и конкурсов. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Председатель Минского городского отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Минске.

АВЛАСЕНКО Геннадий Петрович. Родился в 1955 году в деревне Липовец Ушачского района Витебской области. Окончил биологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, переводчик, драматург. Автор более тридцати книг для детей и взрослых. Живет в городе Червене Минской области.

ГОНЧАРОВА Лариса Ивановна. Родилась в 1973 году в поселке Рожанка Щучинского района Гродненской области. Окончила факультет «Педагогика и методика начального обучения и музыка» Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Лауреат нескольких республиканских литературных конкурсов. Живет в агрогородке Поречье Гродненского района.

ДАШКЕВИЧ Татьяна Николаевна. Родилась в 1968 году в поселке Озерище (ныне Минск). Окончила Литературный институт имени А. М. Горького, семинар Льва Ошанина. Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Автор ряда книг для детей и взрослых. Лауреат многих республиканских и международных литературных премий и конкурсов. Живет в деревне Валерьяново Минского района.